

ЧЕРЕЗ ЗАБОР

Посетителей в этот день в музее не ожидалось, и после обеда Комаров хотел улизнуть под каким-нибудь благовидным предлогом. Он мысленно потирал руки, представляя, как усядется за любимую научную работу. И чтобы никто не мешал... А перед внутренним взором его маячила будущая книга, прекрасно, кстати, изданная: «Андрей Борисович Комаров. Заметки провинциального экскурсовода». Хотя название можно подобрать и другое: что-нибудь более привлекательное... Но, когда он размечтался за чаем с бутербродами, в дверях появился директор, и молодой специалист сразу понял: это облом.

– Не отпущу я тебя, Борисыч. Гость к нам прибыл высокий – депутат, из Москвы. По музею я его проведу сам. В два у меня совещание. Так что город возьмёшь на себя.

– А Петровна что? Не может?

– Стесняется она... Не привыкшая с такой публикой работать. Да ты лучше справишься. Ты же надежда наша. Светило, можно сказать, восходящее!

Хотя и умастил начальник Комарова, но раздражение в мозгах не улеглось: «Заманчивая перспектива – крутиться перед важной персонай!» Поостыв, стал Комаров прикидывать, как лучше москвичу *этому* город показать: так подойти или с другой стороны? И плюнул наконец: «К чему расшаркиваться? Проведу экскурсию как обычно... И всё!»

И часа не прошло, казалось, а директор музея представил ему депутата. В мгновение ока оглядел провинциальный гид столичного гостя – с головы до ног: «Одет по форме: костюмчик с галстуком, ботинки итальянские. Но в фигуре ничего представительного нет».

– Ты, Борисович, не подведи. Покажи наш город с лучшей стороны! – повелел директор и убежал, откланявшись. «Будто лакей. Да-а... Не ожидал я от тебя, Степаныч!»

– Тебя как звать-то? Я не расслышал, – бесцеремонно спросил депутат.

– А? А... Андрей. Вы как хотите, Евгений Львович...

– Можешь говорить мне «ты». Я – человек без претензий. Не в парламентах рос.

«Зато теперь в Москве живёшь! А я тут кисну», – подумал Комаров и вслух продолжил, стараясь избегать местоимений:

– Как лучше по городу прогуляться: в автомобиле, с остановками, или пешком?

– Давай пешком. На своих двоих больше увидишь. Согласен?

– Разумеется, – кивнул Комаров, и они пошли к городскому валу.

Поднявшись, экскурсовод принял выразительную позу (он даже гармонировал со стоявшим внизу памятником!) и начал свой рассказ:

– Когда-то над этими валами возвышалась крепость... Что? Деревянная, разумеется. Каменный кремль построить не успели... Остатки крепости разобрали при Екатерине II, валы превратили в место для прогулки...

– Эге! Хороший тут обзор, – восхитился Евгений Львович. – Можно, я пофоткаю?.. А ты рассказывай, рассказывай. Мне это не мешает.

Комаров чуть поперхнулся, потом подтянулся. И продолжал:

– Город наш, по преданию, был основан в середине XII столетия великим князем Юрием Долгоруким... Правда, некоторые историки считают, что город основан позже. Однако (он поднял указательный палец вверх!) особо убедительных доводов в свою пользу привести не могут. Существует такая тенденция в современной науке: гоняться за оригинальностью.

– Это ты верно подметил, – согласился депутат. – Причём не только в науке, но и в других сторонах общественной жизни. Все нынче оригинальничают.

– Да-да, разумеется, – поддакнул Комаров. – А теперь мы с-с... прогуляемся по нашим старым романтическим улочкам.

Гуляли они не спеша. Гид указывал рукой на исторические объекты, а депутат нацеливал на них свой фирменный фотоаппарат.

– Обратим внимание на жёлтое здание с колоннами, построенное в середине девятнадцатого века в стиле провинциального классицизма. Это бывший особняк купчихи Авдотьи Ивановны Рюшиной. После смерти мужа она устраивала здесь балы, музыкально-литературные вечера... Её прозвали «весёлой вдовушкой».

– Кавалеров, значит, к себе заманивала? – подмигнул экскурсант.

– Нет. Сохранилась её переписка с сестрой. Она покровительствовала талантам. Но почему-то многие дурное думают.

– Вот и я подметил, что любят сейчас про любовные шашни распи-сывать. Никакого эстетического момента в этом нет.

– Разумеется, – заулыбался Комаров.

– Что ты одно заладил: разумеется да разумеется? Разум надо иметь – синонимы подбирать.

– Извини... э-э... Извиняюсь! А этот скромный с виду дом... вон, на той стороне, – и гид повёл туда рукою, – принадлежал бывшему городскому голове. Николай Алексеевич Александров, владелец нескольких ткацких фабрик, на этой должности почти разорился. Благоустройство города, новое здание театра, водопровод, какого и в губернии не было... И всё за свой счёт! А городская казна при нём пополнялась.

– О! – округлил глаза Евгений Львович. – Это я запомню. И при случае расскажу кое-где. Пусть почешут репу конгрессмены-бизнесмены.

– А это здание, с балконами, построено в стиле модерн по проекту известного архитектора...

– Постой-ка. А что там за труба торчит?.. Да нет, вон там.

– Я как-то раньше и не примечал её. Возможно, какое-то производство было?

– Значит, точно не знаешь? Ну, ладно.

– Посмотрим теперь на двухэтажный дом с парадным подъездом. Это бывший...

– Ну вот, опять «бывший»! Когда настоящее будет?

– Подожди... те, будет и про настоящее. Мы же по старым улицам гуляем.

– Ничего. Не смущайся! Я про старое послушать люблю. А придираюсь ради шутки. Хе-хе...

У Комарова, как ему противно ни было, невольно расплылась по лицу дурацкая улыбка.

– А здесь, – они остановились у каменной ограды, – до революции жил известный селекционер Никифор Авдеевич Кузнецов. Он работал над улучшением сортов яблонь: урожайность, выносливость, вкус. Старожилы говорили: ну и яблочки были в его саду; кто их хоть раз попробовал, других не пожелает.

– А сейчас растут? – как-то странно любопытствовал депутат, аж в глазах огонёк загорелся.

– К сожалению, после революции весь его научный архив оказался за границей...

– Известное дело! Они большие мастера – на чужих достижениях своё благополучие строить. Согласен со мной?

– Разу... Конечно! Так вот... Архив пропал, но ученики остались. И в нашем городе его дело потом продолжали. В бывшем его саду, – Андрей показал за ограду, – три яблони растут, ещё до войны посаженные. Плодоносят до сих пор. Мы мальчишками туда лазили. Забор-то попроще был, деревянный.

– А каменный кто отгрохал? – спросил депутат, измеряя глазами его высоту.

– В доме Кузнецова... Кстати, дом – рубленый, больше ста лет стоит... Разместился в нём сначала коопторг, потом отделение НИИ растениеводства. А недавно его приобрели, вместе с садом, братья Крутилкины – известные наши предприниматели.

– Как бы мне этих яблочек попробовать? – московский гость с хитрецей взглянул на гида.

– Можно устроить! – Андрей для убеждённости поднял пятерню. – Хозяева на озёра уехали, ключи соседям оставили, чтобы за порядком следили. Я им ситуацию объясню, что гость у нас, из Москвы... В целях, так сказать, изучения традиций. Думаю, возражений не будет.

Депутат вдруг глянул Комарову чуть не в душу:

– А можно, я того... Через забор?

– То есть как... через забор?

– Что ты рот-то открыл? Ворона залетит... Не понимаешь, что ли? Собака в саду есть?

– Нет. С ними уехала... То есть с собой взяли.

– Наконец-то, дождался, – загадочно молвил Евгений Львович. – Подержи-ка фотоаппарат. И пиджак заодно, с галстуком. Конечно, в форме воровать азартнее. Но как-то неудобно... А ты на шухере постой, на углу... Никого не видно?

– Никого.

И на глазах растерянного гида солидный человек – да ещё с мальчишеской сноровкой – перелез через ограду. Какой-то треск раздался. «Только бы яблоню не поломал...» Но и минуты не прошло, как он обратно спрыгнул.

– Эко яблочко-то, наливное! Тебе, быть может, дико показалось? – говорил депутат, смачно жуя. – А это мечта моего детства. Подсознательная мечта... Отец мой строгий был. Поймали нас, пацанов, когда в чужой сад лезли. И он мне пригрозил: смотри, Женька, ещё такое повторится – накажу! Боялся я больше по заборам лазить: не дай бог, отец узнает. Друзья меня звали, а я наотрез. Зато теперь получилось... Надо же! От души...

Дальнейшая экскурсия не клеилась. Они повернули в проулок – к музею.

– Ну, спасибо. Спасибо тебе большое, – благодарил депутат. – Впечатление – колоссальное! Как тебя звать-то? Я забыл... Вот тебе, Андрей, моя визитка. Будет в жизни грустно, позвони. А теперь держи все пять! Такой экскурсии у меня ещё не было.

«Может, с книгой пособит?» – промелькнуло в уме Комарова. Так что расстались они весьма доброжелательно.

СИРЕНЕВАЯ НОЧЬ

На третьем курсе университета, поздней осенью, я вынужден был взять академический отпуск. Болел, хандрил, но к марту окончательно поправился. До начала занятий оставалось полгода свободного времени; хотелось провести его с толком, чтобы подзаработать, а заодно и свежие впечатления получить. Дразнила весна: дробью капели, томительным – до душевного расслабления – солнцем и, как тогда казалось мне, каким-то романтичным ветерком, влекущим к неизведанному... Ветер, что ли, гулял в голове?

Мои однокурсники летом подрабатывали проводниками в поездах дальнего следования (был такой студенческий отряд «Стрела»), и много кое-чего они рассказывали... А что? Мечтать под мерный стук колёс – так это здорово! Но тётушка родная меня отговорила:

– Что ты будешь в вагоне-то киснуть.

– И куда податься бедному студенту?

– А ступай-ка ты на теплоход матросом. На свежем воздухе и весу наберёшь.

Вспомнил я, как в детстве путешествовал по Волге... И загорелся! Всё разузнал, прошёл медкомиссию, а с началом навигации вступил на борт туристического теплохода – четырёхпалубного красавца чешской постройки.

И завертелся мир вокруг меня! Берега реки по обе стороны – то пологие, уплывающие за горизонт, то вздыбленные холмами... Невыразимые оттенки неба, особенно при восходе солнца и на закате его... Уютные города Поволжья, от которых мы отходили под марш «Прощание славянки» – даже сердце щемило... Знакомства новые да разговоры... А главное, очаровательные существа другого пола.

Завёл я толстую тетрадь, куда заносил свои пёстрые впечатления, а на последнем листе – женские имена, причём с адресами и телефонами. Каждые десять дней на теплоход садились другие туристы. Обычно со второй палубы я рассматривал тех, кто шёл по трапу: среди солидных пап и мам, детишек их, то беззаботно скачущих, то ноющих, выискивал юное личико. А что? Красив я был тогда, и без особого труда (регулярно, каждые десять дней!) открывался очередной роман.

Какие девушки-то были! Изыщно-стройные и привлекательно полные, с короткой стрижкой или распущенными волосами... Мы танцевали, целовались даже... В последний день, прощаясь с ними, я выписывал обычной шариковой ручкой, но с трепетом неизъяснимым – очередное имя. Вряд ли кто из них подозревал о своём номере. Быть может, и играл я в донжуана, но сердце жаждало любви – такой большой и настоящей!

В общем, на теплоходе я и работал, и отдыхал как мог. Обязанности матроса меня не обременяли: швартовка у причала, уборка палубы...

Вот только загрузка продуктами (на четыреста-то с лишним человек!) была тяжеловатой. На вахте я стоял с 12 до 4, днём и ночью, с напарником Юркой, грузным мужиком лет тридцати трёх...

Около часа ночи наш огромный теплоход величаво вошёл в узкий шлюз. Накинув чалку и закрепив трос, я ждал подъёма. Забурлила вода; зеленоватая стена отсека поплыла вниз... А передо мною постепенно открывалась дивная картина! Будто кто-то пригоршнями разбросал звёзды по чёрному небу. Свет фонарей и редких окон тонул во тьме... Соловьи свистели ошалело – такого громкого пения я никогда ещё не слышал, просто уши заложило. А ноздри мои наполнило благоухание: кругом белела гроздьями сирень...

Смотрел я вверх; мечтательная улыбка невольно засияла на лице. (Смешно я, наверное, выглядел.) И когда шлюз до отказа наполнился водой, заметил я девушку... Что в ней особенного было? Пожалуй, с виду ничего. Юбка до колен, голубенькая кофта, простые туфельки. И не скажу, что симпатичная. Но глаза... Они выражали – не кокетство, не самолюбование, а какое-то глубокое, потаённое чувство. Она молча подошла, на миг опустила ресницы... И протянула мне большой букет сирени. От короткого взгляда её на сердце стало как-то хорошо – спокойно, ровно, но в то же время радостно.

Я не успел сказать ей ничего. Она повернулась и пошла к серому зданию. «Да оглянись же ты!» – подумал я. И она оглянулась, улыбнулась чуть-чуть. Едва успел ей помахать рукой, как она уже скрылась за металлической дверью.

Ворота шлюза открылись. Громада теплохода потекла дальше – по тёмной, с отсветами, Волге. А я, вдыхая аромат её подарка, смотрел назад. Шлюз с сиренью, соловьиное пение, огоньки – всё терялось вдали, вливаясь в общую картину ночи.

«О чём она мечтает? Как живёт?.. Для кого станет надёжной спутницей жизни?» – задумался я.

– Везёт тебе на баб! – вдруг грянуло сбоку, чуть ли не в ухо, а в ноздришибануло перегаром.

Я обернулся. Передо мной – в ночи – белело Юркино лицо.

– Букет-то какой здоровый! Поделись со мной. Хоть жене подарю, – и он бесцеремонно отобрал у меня половину сирени. Так прозаически, увы, закончилась эта история.

Тогда в тетрадь я ничего не записал – ни на первых страницах, ни тем более на последней. Сиреневая ночь сохранилась в моей памяти. До сих пор.